

УДК 330.342.3

А. В. Кашенов

Институт демографических исследований
ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Москва, e-mail: avkash@list.ru

30 ЛЕТ БЕЗ СССР.

ЧАСТЬ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ РАСПАДА

Ключевые слова: революция, геополитический распад, единое экономическое пространство, реформы, политическая экономия социализма, экономика СССР в 1960-1990 гг., стагнация экономики.

Разграничение понятий «революции» и «реформы» для целей анализа экономического развития республик бывшего СССР в период после 1991 года. Обоснование концепции, согласно которой революционный развал СССР не был объективно обусловлен, и именно он повлек крайне негативные экономические и демографические последствия. Напротив, реформы были необходимы для дальнейшего социально-экономического развития. Экономических причин для революции не было, так как проводилась политика выравнивания социально-экономических условий ведения хозяйства и уровня жизни в республиках СССР. Предпосылки реформ были, они делятся на теоретические и практические. Теоретическим обоснованием реформ в СССР являлись критические исследования социалистической экономики как западными учеными, начиная с «австрийской школы» начала XX столетия, так и «реформаторами» из стран СЭВ и СССР в 1980–1990-е годы. Практическая потребность в реформах определялась стагнацией экономики во второй половине 1980-х годов, проблемами всеобщего дефицита товаров, низкой международной конкурентоспособности российского экспорта, зависимостью хозяйственной системы от производства энергоносителей и другими объективными причинами.

A. V. Kashenov

The Institute of Demographic Research of the Federal State Budgetary Institution
of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, e-mail: avkash@list.ru

30 YEARS WITHOUT THE USSR.

PART 1. POLITICAL ECONOMY OF DISINTEGRATION

Keywords: revolution, geopolitical disintegration, common economic space, reforms, political economy of socialism, USSR economy in 1960-1990, economic stagnation.

Differentiation of the concepts of «revolution» and «reform» for the purposes of analyzing the economic development of the republics of the former USSR in the period after 1991. Substantiation of the concept according to which the revolutionary collapse of the USSR was not objectively conditioned, and it was he who entailed extremely negative economic and demographic consequences. On the contrary, reforms were necessary for further socio-economic development. There were no economic reasons for the revolution, since the policy of equalizing the socio-economic conditions of farming and living standards in the republics of the USSR was carried out. There were prerequisites for the reforms, they are divided into theoretical and practical. The theoretical justification of the reforms in the USSR was the critical studies of the socialist economy by both Western scientists, starting with the «Austrian school» of the early XX century, and «reformers» from the COMECON countries and the USSR in the 1980s and 1990s. The practical need for reforms was determined by the stagnation of the economy in the second half of the 1980s, the problems of a general shortage of goods, the low international competitiveness of Russian exports, the dependence of the economic system on energy production and other objective reasons.

Введение

Целью данного цикла статей является обсуждение некоторых представлений о событиях 1991 года и их экономических и демографических последствиях. Задача первой статьи – обзор различий между «революцией» и «реформой», их субъективных причин и объективных предпосылок.

Доминирующая точка зрения, с некоторыми вариациями, состоит в том, что после неудачных попыток перестройки советского общества в условиях застоя экономики был произведен роспуск СССР, после чего начались реформы и трансформационный кризис. Некоторые аспекты этой интерпретации событий требуют дополнительного обсуждения.

Результаты исследования и их обсуждение

1.1. Революция – причины

Революция – это радикальное общественное изменение, приводящее к насильственному слому устаревших государственных институтов. Многими авторами игнорируется, что экономически интегрированное пространство государства – это его базовый общественный институт. Причем экономическая интеграция территории постиндустриального государства на порядок выше, чем прежнего аграрного. По отношению к геоэкономическому единству государства политическая система, частная собственность и рыночная свобода – явления второго порядка. Поэтому наиболее тяжелые экономические последствия в новейшей истории имеют революции, направленные против территориальной целостности государств.

Реформа – это институциональное изменение, которое осуществляется государством в интересах основных общественных сил. Реформы не сопровождаются насилием или деструкцией территории государства. Они могут быть более или менее радикальными в отношении скорости, сроков, спектра направлений реформирования и охвата вовлеченных групп (классов) общества. Но разрушение не является целью реформ, в отличие от революций.

По результатам референдума 17 марта 1991 года, за сохранение СССР проголосовало около 3/4 избирателей РСФСР, УССР, БССР, АзССР и республик Центральной Азии. В других республиках к этому времени де-факто уже пришли к власти сепаратистские режимы, которые заблокировали работу избирательных комиссий, хотя значительное число их граждан также поддерживали СССР. Вопреки мнению большинства населения в течение 1990-1991 гг. была объявлена независимость РСФСР, УССР и других от Союза и в декабре 1991 года закреплена ликвидация СССР. Один из мифов состоит в том, что революция 1991 года была «мирной» и не повлекла гражданской войны. На самом деле сопутствовавшие событиям 1991 года, или следовавшие позже, конфликты в Средней Азии, Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье, Чечне и на Донбассе унесли жизни десятков тысяч человек.

Политические причины распада России-СССР формировались на протяжении десятилетий – начиная с создания большевиками

«союзных республик» с произвольными границами и проведения политики «коренизации» в этих республиках (например, «украинизации» в УССР). В результате к концу 1980-х годов сформировались сепаратистские элиты внутри КПСС. Таковы субъективные причины революции 1991 г. Были ли у этой революции объективные причины?

Объективные признаки революционной ситуации должны состоять в обострении экономического неравенства и социальных бедствий в «угнетенных» республиках на фоне «господствующих». На самом деле, среди республик СССР не было отношений «господство-подчинение». Союзный центр перераспределял между республиками произведенный совокупный продукт (национальный доход), включая доходы от экспорта энергоресурсов и других природных ресурсов (золота, редкоземельных металлов, леса), произведенных в РСФСР. Национальный доход приоритетно расходовался на инвестиции в обрабатывающую промышленность и социальное развитие стран СЭВ, БССР, УССР, республик Прибалтики, а также на покрытие дефицита бюджетных расходов республик Средней Азии. РСФСР была единственной республикой, лишенной высшего государственного института того времени – комитета КПСС.

Несмотря на то, что в 1990 году в СССР уже были рассчитаны показатели произведенного и потребленного ВВП по республикам СССР, в статистических сборниках того времени данные о перераспределительных процессах завуалированы. Например, в таблицах «Структура ВВП» и «Использование ВВП» в статистическом сборнике «Народное хозяйство СССР в 1990 году» в части абсолютных данных отсутствует республиканский разрез [1, с.9-14], в таблицах «Экономические взаимосвязи республик в народнохозяйственном комплексе. 1990», все рассчитано в директивно установленных «внутренних ценах», не отражающих реальную стоимость продукции [2]. Только одна таблица, проясняющая вопросы о направлении финансовых потоков между республиками, опубликована в последнем союзном статистическом сборнике. Это «Объемы ввоза и вывоза продукции в мировых ценах в 1989 г.». В этой таблице четко показано, что положительное сальдо межреспубликанского обмена продукцией имели только РСФСР и Азербайджан [1, с.642]. Кроме того, в статье Б.М. Болотина (ИМЭМО

АН СССР) было указано, что в 1991 году РСФСР производила ВВП на душу населения 114% от среднего уровня СССР, а потребление ВВП обеспечивалось в Эстонии, Латвии и Литве.

В 1990 году лидером по заработной плате была Эстония – 340,7 рубля в месяц, затем следовала Латвия – 290,7 рубля, затем РСФСР – 296,8 рубля и Литва – 283,3 рубля [1, с.36]. В экономически слабо развитых республиках союзный центр поддерживал заработную плату в диапазоне 200-250 рублей в месяц, стараясь выровнять социальные условия жизни населения по всей территории страны.

Можно сделать вывод, что республики, объявившие о своей независимости в 1990-1991 году, за исключением РСФСР, не подвергались экономической эксплуатации союзного центра. В целом, по нашему мнению, у революции 1991 года не было экономических причин, а ее основой послужил эгоизм республиканских элит, использовавших национализм в качестве инструмента.

2. Реформы-теоретические предпосылки

Мы считаем, что к концу 1980-х годов в экономике СССР назрели структурные и институциональные реформы, осуществление которых должно было привести к росту экономики и уровня жизни населения, как это произошло в Китае, Вьетнаме, а еще раньше – в послевоенных Германии и Японии.

Предпосылки реформ, которые сформировались в СССР в 1980-е годы, можно разделить на теоретические, и практические – стагнация экономики, нарастание структурных диспропорций. Теоретической предпосылкой реформ было научное осознание того, что социализм, как политико-экономическая система, и имманентная ему планово-централизованная (командная) экономика, проиграли соревнование с капитализмом. Способность советской системы мобилизовывать экономические, в том числе инвестиционные, технологические и трудовые ресурсы на приоритетных направлениях в сфере обороны, НИОКР, ракетной и космической техники, и в соответствующих областях естественных и инженерных наук, приходила во все большее противоречие с общей технической отсталостью хозяйства, низкой конкурентоспособностью

и энергетической ориентацией экспорта, низкой производительностью труда, низким уровнем жизни населения. Наблюдавшееся в 1950-х годах преимущество в темпах роста экономики по сравнению с большинством капиталистических стран, к 1980-м годам было утеряно, началась стагнация.

Ранние исследования социализма были в основном написаны западными учеными, которые не имели опыта работы в советских условиях. Наибольшее влияние в мире среди них имели представители «австрийской школы». Л. фон Мизес утверждал, что отсутствие рыночного ценообразования делает невозможным экономический расчет и разрушает основу экономики – обмен деятельностью между хозяйственными субъектами [6, с. 70-73; с.79]. Ф. фон Хайек обосновывал принципиальную невозможность эффективного централизованного управления экономикой тем, что «порядок, вырастающий из множества разрозненных индивидуальных решений, принятых на основе разнородной информации, не может определяться общепринятой шкалой относительной важности различных целей» [7, гл.5]. Невозможность для единого управляющего центра владеть всей полнотой информации и на этой основе принимать оптимальные решения – было главным аргументом «австрийской школы» против «социалистической» экономики. Иначе говоря, они утверждали, что политически мотивированные хозяйственные решения в отсутствие рыночных «сигналов» в принципе не могут быть эффективными.

В отличие от ученых «австрийской школы», российско-израильский экономист Б.Д. Бруцкус оценивал советскую систему изнутри, так как до эмиграции работал в СССР. Его основной постулат состоял в том, что в отсутствие рыночных механизмов сопоставления затрат и результатов «мы получаем молоко, выпекаем хлеб, чиним вагоны, перевозим уголь, но никто не может сказать, во что обходится молоко, выпечка хлеба, починка вагона, перевозка угля» [9, гл.2]. Подробно рассматривая советские теории замены стоимостных показателей на натуральные показатели, либо на показатели времени, потраченного на выполнение работы, Б.Д. Бруцкус сделал выводы о неэффективности подобных схем и принципиальной невозможности планирования, не применяющего точных

(подтвержденных рынком) стоимостных измерителей [8, гл.3]. Эта критика была актуальна для раннего периода становления советской экономики.

Впоследствии, под давлением практических обстоятельств, официальная советская экономическая теория не только восстановила в правах противоречащую ортодоксальному коммунизму практику использования денег, категории «цены», «товара» и т.д., но и попыталась обойти объективные препятствия путем применения нормативного подхода. Отвергая рыночный спрос как основу для определения потребностей, а следовательно – цен, производительности труда и экономической эффективности, официальная наука и Госплан СССР долгое время пытались «заменить» рынок расчетом сначала сотен, потом, по мере усложнения структуры производства – десятков тысяч натуральных нормативов. Экономика планов и нормативов, дополненных бартером, а фактически – экономика натурального хозяйства, прикрытого видимостью денег – в основе которой был приказ, что и в каком количестве надо произвести – тем не менее проработала в нашей стране несколько десятилетий.

Во второй половине XX столетия СССР стал сверхдержавой, невероятным напряжением народных сил одержавшей победу во Второй мировой войне не только в военном отношении, но и в производстве вооружений, металла, строительных материалов и т.д., продемонстрировавшей в экономике силу фактора, обозначенного нами выше, как «способность к концентрации ресурсов на приоритетных направлениях». Поэтому дальнейшее развитие теории социалистической экономики на Западе стало более «конвергентным». Й.А.Шумпетер, соглашаясь с тезисами «австрийской школы» о невозможности экономического расчета в отсутствие естественного ценообразования при социализме, указывал, что в этом случае невозможно правильно спланировать и распределить между людьми потребительские блага [9, с.558]. Он считал, что даже если «Центральный орган» управления социалистической экономикой сможет на основе нормативов распределить потребительские продукты между членами общества, то он столкнется с трудностями при решении вопроса о том, какую часть общественного продукта потратить на инвестиции [9, с.572].

Венгерский экономист Я.Корнай в книге «Дефицит» сформулировал принципиальную разницу между предприятиями в двух системах: «для капиталистического предприятия лимитирующим производство фактором являются, как правило, ограничения, обусловленные спросом, для традиционного социалистического предприятия – ресурсные ограничения» [10, с.53]. Согласно Я.Корнаи, предприятия в планово-централизованной экономике постоянно стремятся (или от них требуют органы управления) к количественному росту производства продукции, безотносительно к качеству и экономической эффективности. И получают под это не лимитированные финансовые ресурсы («мягкое бюджетное ограничение»). В условиях административного ограничения роста цен это приводит к дефициту производственных ресурсов. В свою очередь, рост зарплаты, не увязанный с лимитами товарной массы, в условиях жесткой фиксации цен приводит к хроническому дефициту потребительских товаров [10].

Польский экономист Л.Бальцеревич писал о различиях между социализмом и капитализмом в функционировании институтов и поведении хозяйственных субъектов. Он особо подчеркивал недостаточную способность плановой экономики к внедрению инноваций [11, с. 62-89]. Из всех рассмотренных нами авторов Л.Бальцеревич – единственный, кто призывал к «революции» указывая, что она «является важной социальной частью общих условий реализации программы» системных изменений [11, с.221], однако он не рассматривал возможность разрушения единого экономического пространства государства. Что касается распада СЭВ, то он признавал, что «серьезный спад производства в 1991 году в странах, связанных с бывшим СССР, был в значительной степени вызван кризисом торговли, а не конкретной экономической политикой» [11, с.266].

Польский экономист Г.Колодко определял постсоциалистический переход как «процесс замены централизованной плановой экономики на рыночную» [12, с.13]. Он признавал значение «геополитического расположения постсоциалистических рынков» для их последующего развития [12, с.55], использовал словосочетание «шок без терапии» для обозначения того, что происходило в странах

бывшего СССР и Восточной Европы в начале 1990-х годов и указывал что использование идеологами этих стран тезиса о «созидательном разрушении» было теоретическим злоупотреблением, поскольку «любое разрушение реальной экономики ведет к сокращению производства» [12, с.113].

Американский экономист Дж.Сакс в своей книге «Рыночная экономика и Россия» в основном трансформировал общеизвестные тезисы классической политэкономии и «австрийской школы» в учебное пособие для «реформаторов» по шокотерапии. Он указывал, что советская экономика страдала от гипертрофии тяжелой промышленности и «функционировала подобно экономике военного времени» [13, с.32-33]. С этим последним он связывал хронический дефицит потребительских товаров. В работе Дж. Сакса содержится очень важное замечание о том, что гиперинфляция «главным образом возникает вследствие войн, революций или политических катастроф» [13, с.84]. Шведско-американский экономист А. Ослунд утверждал, что к концу правления М.С. Горбачева в стране наблюдался «институциональный хаос» и приветствовал дезинтеграцию СССР [14, с.36, 54].

Советский экономист, один из лидеров революции 1991 года, Е.Т. Гайдар в книге «Долгое время» приводил расчеты, согласно которым оценки ВВП на душу населения в России-СССР по соотношению с США существенно не менялись с 1913 по 1990 год – 0,28 и 0,34 соответственно. То обстоятельство, что в результате революции 1991 г. и «шоковой терапии» к 2002 году соотношение снизилось с 0,34 до 0,23 – упоминается, но не акцентируется в его работе [15, с.36-41]. Е.Т.Гайдар уделял большое внимание сравнению менталитета наций и популяризации тезиса М. Вебера о протестантской религии, как источнике экономического развития [15, с.108-109]. В его книгах содержится подробный разбор конкретных проблем советской экономики 1980-х годов – торгового баланса, внешнего долга, структуры производства, товарного дефицита.

Е.Т. Гайдар определял революцию как «радикальное изменение сложившихся... институтов, элит и их идеологии, которые происходят при слабой, нестабильной власти» [15, с.365]. Е.Т.Гайдар признавал, что «в XX веке Россия пережила две революции: 1917-1921 годов и начала 90-х годов XX в. Каждая из них дорого обошлась стра-

не» [15, с.646]. Е.Т.Гайдар и его сторонники в большинстве своих текстов ассоциируют «Россию» не с Российской Империей или СССР, а с РСФСР-РФ, что многое меняет в геополитической интерпретации их основных тезисов. Мы считаем более точным утверждение, что Россия в 1922-1991 годах носила название «СССР», а после революции 1991 года подверглась разделу на 15 частей, одна из которых стала называться «Российской Федерацией».

В книге «Гибель империи» Е.Т.Гайдар к списку проблем СССР добавляет «нефтяное проклятие», как фактор искусственного поддержания неэффективной экономики, фактор инфляции и т.д. [16, с.81-126; 206-233]. Он отмечал, что советская экономика была «хотя и неэффективна, но устойчива» [16, с.131]. Анализировал хронический дефицит продовольствия в 1980-е годы, [16, с.153-178], негативное воздействие на экономику гонки вооружений [16, с.200-205].

Сподвижник Гайдара В.А. Мау в 10-дневщину событий 1991 года писал, что в 1990-е годы в РФ происходила «полномасштабная социальная революция» [17, с.19-43]. Также представители группы Гайдара А.Р. Кох и П.О. Авен в 2013 году озаглавили свою книгу «Революция Гайдара». В этой работе «революция» трактуется как восстание масс и смена правящей элиты. Авторы не довольны характером революции 1991 г., они пишут, что «в сравнении с известными образцами этой революции не хватало брутальности... Она не привела к тотальной смене элит и, значит, была не полной и поэтому не может считаться завершенной» [18, с.290]. Современный американский автор, в прошлом посол США в РФ Michael McFaul называет драматические события в нашей стране за последние 30 лет «бесконечной революцией», и к сожалению, с этой его оценкой трудно не согласиться [19].

3. Реформы – практическая необходимость

России в границах СССР не удалось выполнить задачу «догнать и перегнать» развитые капиталистические страны в экономическом отношении. Хотя по некоторым оценкам в 1980-е годы она была 2 или 3 экономикой мира по абсолютному объему производства, но по удельным показателям (на душу населения), международной конкурентоспособности товаров, и особенно – по уровню жизни, значительно отставала от лидеров.

Основные показатели социально-экономического развития СССР в 1960-1990 гг.

	Изменение показателей, раз		
	1960-1985	1985-1990	1960-1990
Произведенный национальный доход	3,87	1,07	4,13
Продукция промышленности	4,85	1,13	5,49
Продукция сельского хозяйства	1,71	1,05	1,79
Капитальные вложения (инвестиции)	3,77	1,28	4,83
Производительность труда	3,17	1,08	3,42
Реальные доходы на душу населения	2,58	1,47	3,80
Среднемесячная денежная заработная плата	2,36	1,44	3,40
Общая площадь городского жилого фонда на 1 городского жителя	8,9 кв. м. в 1960 г.	14,3 кв. м. в 1985 г.	16,0 кв. м. в 1990 г.

Расчеты автора по источникам [1], [20].

Но, как уже было сказано выше, ценой концентрации ресурсов в научно-технической области, оборонной промышленности, в некоторых областях высоких технологий, в результате высокой обеспеченности природными ресурсами, прогресса образования и медицины, транспортной инфраструктуры и ряда других факторов, страна развивалась, в том числе в последние 30 лет перед революцией. В то же время сформировалась «перегрузка» экономики тяжелой и оборонной промышленностью, при недостаточных уровнях развития производства товаров народного потребления и сельского хозяйства. Официальные показатели за период 1960-1990 гг. представлены в таблице.

Официальные стоимостные показатели рассчитывались в директивно установленных нерыночных ценах, поэтому многие авторы писали об их завышении и делали альтернативные оценки на основе натуральных показателей [21]. Г.И. Ханин оценивал реальный индекс национального дохода за 1981-1990 гг. в 0,98 раза (основное падение, по его расчетам, приходилось на 1989-1990 гг., когда данный показатель составил 0,91 раза [22]. Но и в официальных статистических сборниках большинство приростных экономических показателей в 1989-1990 гг. перешли в минусовую зону. На то было множество причин, начиная с падения цен на нефть. Цена на нефть Brent, которая в начале 1980-х годов составляла 30-35\$ за баррель (что в современных ценах превышает 100\$), к концу этого десятилетия сократилась до 12-20\$ [23].

Реформы были начаты советским руководством в 1987-1988 гг. – принятием законов о полном хозяйственном расчете государственных предприятий [4] и «О ко-

операции в СССР» [5], но затем прерваны революцией 1991 года. В период начала реформ предприятия, получив больше независимости от государства в 1987-1988 гг., начали произвольно разрывать хозяйственные связи, игнорировать не только планы, но и договора, перенаправляя свою продукцию туда, где, как им казалось, можно получить более высокую прибыль. Власти РСФСР 12 июня 2020 года объявили о своей независимости от СССР, и затем – о прекращении перечисления налогов в союзный бюджет. Аналогичные решения принимали сепаратисты в других республиках. Союзное правительство пыталось остановить кризис экстренными внешними займами и избыточной эмиссией не обеспеченных денег, повышением номинальной заработной платы. В условиях фиксированных цен дефицит всех видов товаров расширился до беспрецедентных масштабов, что усугубило дезорганизацию работы предприятий и массовое недовольство населения. Экономика СССР вошла в состояние хаоса, чем воспользовались революционеры, поставив 26 декабря 1991 года точку в истории прежней России.

Заключение

В современной литературе термин «революция» редко применяется к событиям 1991 года. В результате получается искаженная картина – как будто реформы привели к экономическому кризису, хотя опыт реформ в Китае и Вьетнаме показывает, что как раз переход от командной экономики к рынку дает мощный позитивный результат [24]. Во второй статье мы продолжим обсуждение вопроса о том, как события 1991 года вызвали в странах бывшего СССР

глубокий кризис, и какова была природа этого кризиса.

Мы предполагаем, что в любой стране или союзе государств, разбитом на части, экономический кризис неизбежен. Если бы США «разрезали» на 50 штатов, то их экономика также обрушилась бы на десятки процентов. В то же время, при небольшой фрагментации единого экономического пространства можно избежать тяжелых последствий (разъединение Чехословакии на 2 государства в 1993 году, выход одной Великобритании из ЕС в 2020 г.). Легче переживают геоэкономический кризис страны, в которых не осуществляется радикальных институциональных реформ, и которые могут быстро переориентировать свои внешние рынки. ВВП Финляндии, имевшей эффективную рыночную экономику, в результате распада торговых связей с разрушенным СССР в 1990-1992 гг. сократился с 93,1 до 89,6 млрд. долл. (на 3,8%), затем

снова пошел в рост. Ущерб от распада СЭВ и гибели СССР для экономики Польши выразился в падении ВВП (ППС) с 264,9 млрд. долл. в 1989 г. до 245,3 млрд. долл. в 1991 году (на 7,4%) с последующим восстановлением. Минус положения Польши был в высокой степени интеграции с СССР, плюс – в мононациональном характере государства и отсутствии внутренних разделов. Подобные явления наблюдались в Венгрии и других странах. Острую форму геоэкономический кризис принял в ФРГ, которая получила ГДР с разорванными связями предприятий с бывшим СССР, необходимостью реформ и повышения уровня жизни до параметров Западной Германии. Совокупность потерь, экстренных инвестиций и субсидий на реинтеграцию «восточных земель» к 2010 году составила в ФРГ 1300 млрд. евро [25]. В той или иной степени постсоветский геоэкономический кризис «накрыл» Восточную, Северную и Центральную Европу.

Библиографический список

1. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991.
2. Экономические взаимосвязи республик в народнохозяйственном комплексе // Вестник статистики. № 3. 1990.
3. Болотин Б. А с чем останемся мы? Аргументы и факты. № 39. 1991.
4. О коренной перестройке управления экономикой. Сборник документов. М.: Политиздат, 1987.
5. Закон СССР от 26.05.1988 № 8998-ХІ «О кооперации в СССР».
6. Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxu, 1994.
7. Хайек Ф.А. фон. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxu», 1992.
8. Бруцкус Б.Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. Париж: Поиски, 1988.
9. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008.
10. Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.
11. Бальцеревич Л. Социализм, капитализм, трансформация. М.: Наука, 1999.
12. Колодко Г. От шока к терапии: политическая экономия постсоциалистических преобразований. М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2000.
13. Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия. М.: Экономика, 1994.
14. Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики. М.: Республика, 1996.
15. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.
16. Гайдар Е.Т. Гибель империи: уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.
17. Мау В.А. Экономические реформы в России: итог и перспективы. В книге: Экономика переходного периода: сборник избранных работ. 1999-2002. М.: Дело, 2003.
18. Кох А.Р. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. М.: Альпина Диджитал, 2013.
19. Michael McFaul Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin. 400 pages. Cornell University Press, 2002.
20. Народное хозяйство за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987.
21. Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука, 1991.
22. Ханин Г.И. Экономический рост в СССР в 80-е годы // ЭКО. 1991. № 5.
23. Цена на нефть марки Brent – таблица с 1986 по сегодняшний день. URL: <https://worldtable.info/ekonomika/cena-na-neft-marki-brent-tablica-s-1986-po-20.html>.
24. Кашепов А.В. Четвертая революция и четвертая реформа. Проблемы современного государственного управления в России // Научный эксперт. 2010. Вып. 31. С. 69-72.
25. Цена объединения Германии – 1 триллион 300 миллиардов евро. DW. 16.09.2010. URL: <https://www.dw.com/ru>.